

Татьяна Боровна Тагарова,
кандидат филологических наук,
Иркутский государственный университет
(Иркутск, Россия), e-mail: boroevna@yandex.ru

Виды экспрессивности в бурятской художественной речи (на материале фразеологических единиц)

В статье дан анализ фразеологических единиц как экспрессивных средств бурятской художественной речи. Язык художественной литературы, разговорная речь относятся к функциональным разновидностям, отличающимся высокой экспрессивностью. Экспрессивность трактуется как языковая категория, выражающая повышенную выразительность высказывания, усиливающую его воздействующую силу. Автором определены в речевом аспекте такие приемы и способы усиления экспрессивности контекста, как адгерентная, усилительная экспрессивность. Экспрессивность контекста достигается за счет повтора фразеологических единиц, соположения единиц одного семантического поля, соположения синонимичных и не синонимичных фразеологических единиц и лексем и т. д. При этом наблюдается трансформация структуры фразеологических единиц: эллипсирование (усечение), распространение (ввод дополнительного компонента в структуру фразеологической единицы). Выявлено, что усилительная экспрессивность фразеологических единиц способствует воздействующей, суггестивной (побуждающей) функции.

Ключевые слова: фразеологические единицы, экспрессивность, адгерентный, усилительный, соположение, повтор, синоним, семантическое поле, трансформация, эллипсис, распространение, воздействующий, суггестивный.

Tatiana Boroyevna Tagarova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Irkutsk State University (Irkutsk, Russia),
e-mail: boroevna@yandex.ru

The Forms of Expressiveness of Phraseological Units in the Buryat Artistic Language

The study investigates expressiveness of phraseological units of artistic style of the Buryat language. The language of artistic literature, conversational language relate to the functional varieties, which are characterized by high expressiveness. With the examination in the vocal aspect it is observed the adherent strengthening forms of expressiveness of phraseological units. Some methods of expressiveness strengthening of the context, such as phraseological units' frequency, setting them into one context with units of one semantic field, with synonyms and phraseological units with another semantics and so on are shown. Phraseological transformation (ellipse, introduction of additional units into a structure of phraseological units) are observed in the article. The results indicate that emphatic expressiveness of phraseological units contributes to effecting and suggestive functions.

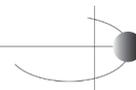
Keywords: phraseological units, expressiveness, adherent, emphatic, setting into one context, frequency, synonyms, semantic field, transformation, ellipse, introduction of additional units, effecting, suggestive.

Фразеология бурятского языка, относящегося к группе монгольских языков, вызывает всё больший интерес у исследователей. Но, несмотря на значительные достижения Т. А. Бертагаева, Ц. Б. Будаева, Ш-Н. Р. Цыденжапова, Г. Ц. Пюрбеева, Л. Д. Шагдарова и др., стилистический аспект бурятской фразеологии все ещё требует дальнейшего углубления изучения.

Учёными справедливо отмечается, что «само существование фразеологических еди-

ниц в знаковых системах практически во всех языках мира является свидетельством необходимости имплицитного воплощения в знаках вторичной и косвенно-производной номинации тысячелетнего речемыслительного творчества народа, его мировоззрения и культуры» [10, с. 6], ФЕ обладают огромным прагматическим потенциалом [9, с. 224; 14, с. 285].

В отечественных исследованиях по фразеологии отмечено, что в стилистических целях авторы могут трансформировать струк-

туру и семантику ФЕ для того, чтобы интенсифицировать образно-метафорическое и эмоционально-оценочное значение ФЕ, а также конкретизировать фразеологическое значение применительно к теме, к уникальной ситуации. Так, языковое средство получает стилистическое значение в процессе образования с его участием стилистического приёма [4, с. 83–84].

Актуальность темы обусловлена наличием в лингвистике, начиная со второй половины XX столетия и по сегодняшний день, повышенного интереса к эмоциональной сфере человека, к проблеме воздействующей силы слова, к возможности изучения личностных качеств коммуниканта по его речевой деятельности, к вопросу взаимоотношений между языковыми знаками и теми, кто ими пользуется [8, с. 3].

Описание экспрессивного потенциала и художественно-образительных функций разноуровневых языковых средств, способов и приёмов их использования в бурятском языкознании до сих пор не является достаточно полным и типологически исчерпывающим.

Исследование типологии этих средств представляется актуальным также для теории и практики художественного перевода, поскольку их некорректное, неадекватное применение часто приводит к искажению замысла автора, нарушения коммуникативного процесса, в конечном счете, т. к. экспрессивность тесно связана с включением языковых средств в коммуникативный процесс [11, с. 172–183].

Теоретическая значимость разработки данного вопроса состоит в том, что его положения дополняют исследования проблемы и интенсифицируют анализ художественных текстов на бурятском языке, чьей стилистической спецификой является актуализация выразительных средств языка. Анализ фразеологического материала демонстрирует национальные особенности, характерные для бурятских экспрессивных средств, которые влияют на аспекты формирования и восприятия бурятской языковой картины мира.

В данной статье мы делаем попытку выявить способы создания экспрессивности речи посредством включения ФЕ на материале художественного стиля бурятского языка, определить виды и свойства экспрессивности ФЕ.

Проблема экспрессивности как языкового явления вызывает интерес лингвистов (Л. М. Васильев, В. Н. Гридин, С. А. Лукьянов, В. А. Маслова и др.), в связи с тем, что она связана с выражением субъективного отноше-

ния говорящего к предмету речи. В лингвистике при характеристике экспрессивности применяются такие определения, как образная, увеличительная, ингерентная, адгерентная, контекстуальная, языковая, речевая, денотативная, смысловая. Отметим, что из данных дефиниций равнозначными являются ингерентная и языковая, т. е. узуальная экспрессивность, куда можно включить и образную, а адгерентная, контекстуальная, смысловая относятся к речевой экспрессивности, как часть к целому. А компоненты денотативного содержания, связанные с передачей эмоций, являются также частью языковой экспрессивности.

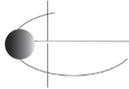
Известно, что языковая экспрессивность это «совокупность взятых внеконтекстуальных коннотаций языковых единиц. Речевой экспрессивностью называется особая организация языковых средств, которая создаёт общую окрашенность речи и определённую функциональную экспрессивность. Языковые средства выражения экспрессивности составляют экспрессивные средства, присущие самой системе языка и обладающие регулярной воспроизводимостью. Под речевыми средствами выражения экспрессивности понимаются экспрессивные средства, которые становятся такими лишь в контексте, при употреблении в речи [4, с. 7].

В речевом плане экспрессивность зачастую рассматривается в связи с интенсификацией, усилением выразительности.

Экспрессивность есть признак текста, его качественная характеристика. Экспрессивность всегда соотносится с нейтральной формой изложения, вне этого соотношения экспрессия немыслима. Усиленная выразительность, с другой стороны, предполагает акт, процесс усиления, или интенсификации. Интенсификация как показатель степени усиления есть количественная характеристика качественной (экспрессивной) стороны речи, есть количественное отражение того, насколько экспрессивное возвышается над предметно-логическим содержанием высказывания [15, с. 15].

Е. М. Галкина-Федорук считает, что «экспрессия – это усиление выразительности, образительности, увеличение воздействующей силы сказанного» [7, с. 107]. В. Н. Телия заключает, что «экспрессивность – это усиление восприятия за счёт эмоциональной реакции, вызванной образностью» [14, с. 112].

Нам представляется наиболее целесообразной точка зрения на экспрессивность,

как на повышенную выразительность высказывания, которая увеличивает его воздействующую силу, имея обобщающий, гиперонимический характер по отношению к другим стилистическим параметрам, например, эмотивности, оценочности, образности [7, с. 107], [5, с. 54–59], [13, с. 120].

Справедлива, на наш взгляд, также точка зрения, заключающаяся в том, что экспрессивность связывается с интенцией говорящего воздействовать на собеседника, а эмотивность – с интенцией выразить себя [6, с. 646].

Одним из условий осуществления воздействующей функции художественного текста является подбор соответствующих эффективных средств формирования его экспрессивного потенциала. В решении нашей задачи мы исходим из того, что фразеологическая экспрессивность, усиленная стилистической оппозиционностью ФЕ, взаимодействует с эмотивно-оценочными смыслами значения языковых единиц, поставленных в один контекст, и реализует коммуникативно-прагматическую установку адресанта. Рассмотрение функционально-стилистических особенностей экспрессивных средств повлекло привлечение приёмов функционально-стилистического анализа текста. В анализе следуем мнению В. И. Шаховского, заключающегося в том, что стилистическая экспрессивность – явление речевое, «сознательно формируемое автором с помощью системы экспрессивных языковых средств и стилистических приёмов» [17, с. 33].

Рассмотрим реализацию экспрессивных свойств ФЕ в бурятских художественных текстах в аспекте адгерентной (по словарю лингвистических терминов О. С. Ахмановой, «экспрессивность, приобретённая словом только в данном речевом контексте», ингерентная экспрессивность, т. е. «внутренне присущая данному слову как единице языка»), речевой экспрессивности.

Наблюдения показывают, что экспрессивность ФЕ наиболее наглядно реализуется путём использования ФЕ одного семантического поля (обширного объединения слов, связанных по смыслу, обуславливающих и предопределяющих значения друг друга, отражающего связи и зависимости между элементами действительности – объектами, процессами, свойствами):

...*Гэм зэмэтэмнай балшыса баригдашабал! Мэхэнь мэнгээрхэн хоолойдоо торошобо* (Батожабай, 1981). – Виновный пойман с поличным! Сам от своего обмана подавился.

ФЕ *балшыса баригдаша* ‘быть пойманным с поличным’, *мэхэнь мэнгээрхэн хоолойдоо торошобо* букв. ‘обман в дыхательном горле застрял’ ФЕ одного семантического поля «обман». Здесь вторая ФЕ усиливает экспрессию яркой образностью – картиной задыхающегося лгуна.

А также *Булхайшни булшангаараа бултайхал байха. Шабар дээрэ шалд нуухадаа ханаа орохош!* (Жимбиев, 1972). – Шила в мешке не утаишь. Сядешь в лужу, придешь в себя! *Булхайшни булшангаараа бултайха* букв. обман твой через мышцы выйдет. ФЕ *шабар дээрэ шалд нууха* усиливает экспрессивность контекста, показывая плачевный результат обмана. Нужно отметить, что образное воплощение обжуливания, надувательства, обмана в ФЕ характеризуется: 1) привнесением нелепых, порой абсурдных изменений в субъекте – наборе необходимых ему вещей – *һүүлээ шарбаха* хвостом вилять, русск. пудрить мозги и т. д.; 2) созданием помех для внешних органов чувств и соответственно перекрыванием доступа к истинной информации – *нюдэ бүрлүүлхэ* застит глаза; *уһа булангиртуулха* воду замутить и т. д.; 3) нанесением вреда, ущерба субъекту – *һолоомо хабшуулха* букв. солому втиснуть, приврать, русск. пускать пыль в глаза и т. д.

Цель использования экспрессивной ФЕ – воздействовать на собеседника или читателя, вызвать у них чувство негодования, порицание по отношению к нарушителю каких-либо нравственных канонов поведения.

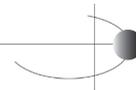
Включение ФЕ одного синонимического ряда способствует усилению экспрессивности своей яркой образностью:

...*Арад зонойнгоо хүзүү мүлжэхэнтнай багадаад, шуһыень хорохоёо ханаа гүт?* (Батожабай, 1981). – Мало того, что вы шею народную грызете, ещё захотели крови пососать?

Здесь из двух синонимичных ФЕ *хүзүү мүлжэхэ* букв. шею грызть и *шуһыень хорохо* букв. кровь сосать, последняя ФЕ более экспрессивна (представляется, что потеря крови более опасна, чем покусанная шея). Здесь наблюдается функция синонимии, заключающаяся и в уточнении.

Экспрессивность контекста увеличивает и за счёт того, что ФЕ включается в окружение с не синонимичными фразеологизмами:

«*Нэгэнтэл намда толгойгоо худалдаһан хадань энээнэй ами наһан минии гар соо хаям даа*»... (Намсараев, 1990). – Раз однажды проданся, жизнь его в моих руках... ФЕ *толгойгоо худалдаха* и *ами наһан минии гар соо*

передают экспрессию размышлению говорящего, возмнившего себя вершителем судеб других людей.

ФЕ ставятся в соседство с лексемами и ФЕ, не относящимся к одному семантическому полю, но также усиливающими, интенсифицирующими значение. *Хэн нэгэнэй нялуунда таараагүйб/ Хүнэй бүгсэ тонгойжо байжа таалаагүйб* (Халзанов, 1991). – Я не привык к приторно сладкому, не целовал, наклоняюсь, чужой зад.

В приведённых поэтических строчках автор прибегает к некоему эпатажу, используя ФЕ *бүгсэ таалаха* букв. зад целовать 'подлизываться, быть подхалимом', что придает резкую экспрессию контексту. Экспрессивная ФЕ, отягчённая оценочностью и модальностью, является отметкой отчётливого присутствия образа лирического героя, не терпящего чрезмерного, до слащавости, проявления чувств, переходящих в подхалимство. Использование экспрессивной ФЕ направлено на усиление контакта с читателем. Деепричастия *тонгойжо байжа* 'наклоняюсь', введённые в состав ФЕ, придают иронию контексту.

В данных случаях можно говорить о суггестивной функции ФЕ, заключающейся в побуждении, в совете. В языкознании это явление отмечается как посткоммуникативное воздействие на читателя [12, с. 147]. Например:

...Түрэнэн эхээ хаяад, тархиингаа хазайһан тээшэ талихам гэжэ һанана гүш? Годон гуталаа гозон толгойдоо бү үмдэш, энэнэй түлөө малгай гэжэ байдаг юм! (Батожабай, 1981). – Бросив родную мать, думаешь уйти, куда глаза глядят? Не надевай унты на свою голову, шапка существует на это!

Вторая половина контекста придаёт сильную экспрессию всему высказыванию, объясняя неприемлемость поступка, намерения через сравнение с нелепой картиной сапога на голове вместо шапки. Таким образом, ФЕ *тархиингаа хазайһан тээшэ* ≈ 'куда глаза глядят' и *гозон толгой* букв. одинокая голова ≈ 'бобыль' используется в целях убеждения одного персонажа другим, актуализируя значение ФЕ посредством включения её в более широкое метафорическое высказывание.

Экспрессивно-впечатляющую силу увеличивает повтор ФЕ, участвующей в выражении связи с предшествующей репликой, что характерно для диалогической речи: *-Үтэлһэн үлэгшэн, үргөө хабша! – Хабшахагүйб! Бури бухалышни бултынь гаргахаб. ...Энэтнай нюуртаа үһэтэй, нюдэндөө хоротой хүн. һайнда һайбар жороо, мууда модон мунса гэшэ. Тиигээд лэ мухар мунса гэжэ нэртэй*

ха юм!.. (Батожабай, 1981). – Старая волчица, челюсти сомкни! – Не сомкни! всю твою подноготную выведу. ...У него лицо заросло шерстью, а в глазах яд. Когда у кого-то все хорошо, и он хорошо относится, если у кого-то плохи дела – он плохо относится. Поэтому и зовут его дубина стоеросовая!..

Здесь экспрессивность контексту придаёт фразеонабор, начинающийся и завершающийся отрицательно-оценочными ФЕ, характеризующими и разоблачающими персонажа. Субъективная информация (возмущение, пренебрежение и т. д.) передаётся посредством повтора с трансформацией ФЕ (эллиптированием *үргөө хабша* → *хабшахагүйб*).

Экспрессивность может быть усилена также и путём повтора компонента ФЕ в форме деепричастия: *...һамгантаяа халбагаяа хахарангаа хахаржа, дача зуһаланайнгаа ойрошье ошохо эрхэгүй болошоо һэмнэй даа* (Цыдендамбаев, 1989) – Разругавшись с женой окончательно, потерял право и близко подойти к даче.

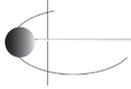
Ягааб тезд, хэлэ амаяа бүлюүдэхэ зон бүлюүдэжэ байг лэ даа... (Ябжанов, 1986). – Ну и пусть точат лясы, кто хочет точить...

Таким образом, экспрессивность, как лингвистическая категория, представляет собой результат синтеза нескольких базовых коннотативных аспектов – оценочности, эмоциональности, образности, интенсивности, репрезентирующих субъективность содержания фразеологических единиц.

Экспрессивность языка художественных произведений возникает в результате необычного стилистического использования ФЕ, интенсификации количественных или качественных аспектов обозначаемого, использования ассоциативных образов, вызывающих положительную или отрицательную эмоциональную оценку.

Рассмотренный материал показывает, что воздействующей и суггестивной функции ФЕ способствует постановка ФЕ в один ряд с синонимичными ФЕ или свободными словосочетаниями и словами одного семантического поля. Экспрессивность в языке достигается и с помощью повтора ФЕ, а также в диалогической форме представления художественной информации.

Так, отмечается адгерентная, усилительная экспрессивность фразеологических единиц в рамках речевого функционирования в художественном стиле бурятского языка. Как языковая характеристика, экспрессивность художественного текста остается одним из актуальных вопросов в монголоведении.

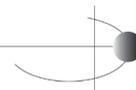

Список литературы

1. Алещанова И. В. Прагматические особенности цитации в газетном тексте: [на материале газ. «Financial Times»] // Лингвист. мозаика: наблюдения, поиски, открытия : сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2001. Вып. 2. С. 4–14. URL : <http://sor.volsu.ru/library/docs/00000415.pdf> (дата обращения : 08.02. 2012).
2. Бертагаев Т. А. Об устойчивых фразеологических выражениях. На материалах современного бурят-монгольского языка. Улан-Удэ : Тр. / НИИКиЭ БМАССР. 1949. Вып. II. С. 64–119.
3. Будаев Ц. Б. Фразеология бурятского языка. Улан-Удэ : БИОН БФ СО АН СССР, Бурятское кн. изд-во, отв. ред. Л. Д. Шагдаров, 1970. 88 с.
4. Вахитова Г. В. Способы передачи внутренней экспрессивности текста : на материале юридической литературы на русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2007. 22 с.
5. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Наука, 1980. 237 с.
6. Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
7. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке : сб. ст. по языкознанию. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1958. С. 103–124.
8. Губенко Н. В. Экспрессивность средств выражения утверждения и отрицания в языке подлинника и переводов романов Э. М. Ремарка : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 198 с. URL : <http://www.disserscat.com/content/ekspressivnost-sredstv-vyrazheniya-utverzheniya-i-otritsaniya-v-yazyke-podlinnika-i-perevod> (дата обращения : 10.02.2012).
9. Добрыднева Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. Волгоград : Перемена, 2000. 224 с.
10. Золотых Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики : монография. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2007. 265 с.
11. Подгорная А. Ю. Экспрессивность или импрессивность / Лингвист. мозаика: наблюдения, поиски, открытия : сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2001. Вып. 2. С. 172–183 URL : <http://sor.volsu.ru/library/docs/00000415.pdf> (дата обращения : 08.02. 2012).
12. Русский язык : энциклопедия. М. : Институт русского языка АН СССР. Советская энциклопедия, гл. ред. Ф. П. Филин ; ред. колл.: Р. И. Аванесов, В. И. Боровский, Т. А. Ганиева и др., 1979. 723 с.
13. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики языковых сущностей и её роль в формировании смысла предложения / Всесоюз. науч. конфер. «Коммуникативные единицы языка» : тезисы докладов. М., 1984. С. 120.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 285 с.
15. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке : монография. М. : Высшая Школа, 1990. 173 с.
16. Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ : БФ БИОН СО АН СССР, Бурятское кн. изд-во, отв. ред. В. И. Рассадин, 1974. 346 с.
17. Шаховский В. И. Экспрессивность и оценка – компоненты детонации // Образные и экспрессивные средства языка. Ростов н/Д : РГПУ, 1986.

Источники примеров

18. Батожабай Д. Б. Зүжэгүүд. Улаан-Үдэ : Бурядай номой хэблэл, 1981. 223 с.
19. Жимбиев Ц-Ж. Гал могой жэл. Улаан-Үдэ : Бурядай номой хэблэл, 1972. 272 с.
20. Халзанов Б. Хээрын шулуун. Улаан-Үдэ : Бурядай номой хэблэл, 1991. 75 с.
21. Цыдендамбаев Ч. Холо ойрын түрэлнүүд. Улаан-Үдэ : Буряад. ном. хэблэл, 1989. 288 н.
22. Ябжанов Б. Эртын шүүдэр. Улаан-Үдэ : Бурядай номой хэблэл, 1986. 336 н.

Spisok literatury

1. Alewanova I. V. Pragmaticheskie osobennosti citacii v gazetnom tekste: [na materiale gaz. «Financial Times»] // Lingvist. mozaika: nabljudenija, poiski, otkrytija : sb. nauch. tr. / Volgogr. gos. ped. un-t. Volgograd, 2001. Vyp. 2. S. 4–14. URL : <http://sor.volsu.ru/library/docs/00000415.pdf> (data obrashchenija : 08.02. 2012).
2. Bertagaev T. A. Ob ustojchivyh frazeologicheskikh vyrazhenijah. Na materialah sovremennogo burjat-mongol'skogo jazyka. Ulan-Udje : Tr. / NIIKiJe BMASSR. 1949. Vyp. II. S. 64–119.
3. Budaev C. B. Frazeologija burjatskogo jazyka. Ulan-Udje : BION BF SO AN SSSR, Burjatskoe kn. izd-vo, otv. red. L. D. Shagdarov, 1970. 88 s.
4. Vahitova G. V. Sposoby peredachi vnutrennej jekspressivnosti teksta : na materiale juridicheskoy literatury na russkom i anglijskom jazykah : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / Bashkir. gos. un-t. Ufa, 2007. 22 s.
5. Vinokur T. G. Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovanija jazykovyh edinic. M. : Nauka, 1980. 237 s.
6. Gak V. G. Jazykovye preobrazovanija. M. : Shkola «Jazyki russoj kul'tury», 1998. 768 s.
7. Galkina-Fedoruk E. M. Ob jekspressivnosti i jemocional'nosti v jazyke : sb. st. po jazykoznaniju. M. : MGU im. M. V. Lomonosova, 1958. S. 103–124.
8. Gubenko N. V. Jekspressivnost' sredstv vyrazhenija utverzhdenija i otricanija v jazyke podlinnika i perevodov romanov Je. M. Remarka : dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2006. 198 s. URL : <http://www.dissercat.com/content/ekspressivnost-sredstv-vyrazheniya-utverzhdeniya-i-otritsaniya-v-yazyke-podlinnika-i-perevod> (data obrashchenija : 10.02.2012).
9. Dobrydneva E. A. Kommunikativno-pragmaticheskaja paradigma russoj frazeologii. Volgograd : Peremena, 2000. 224 s.
10. Zolotyh L. G. Kognitivno-diskursivnye osnovy frazeologicheskoy semantiki: monografija. Astrahan' : Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet», 2007. 265 s.
11. Podgornaja A. Ju. Jekspressivnost' ili impressivnost' / Lingvist. mozaika: nabljudenija, poiski, otkrytija : sb. nauch. tr. / Volgogr. gos. ped. un-t. Volgograd, 2001. Vyp. 2. S. 172–183 URL : <http://sor.volsu.ru/library/docs/00000415.pdf> (data obrashchenija : 08.02. 2012).
12. Russkij jazyk : jenciklopedija. M. : Institut russskogo jazyka AN SSSR. Sovetskaja jenciklopedija, gl. red. F. P. Filin ; red. koll.: R. I. Avanesov, V. I. Borkovskij, T. A. Ganieva i dr., 1979. 723 s.
13. Telija V. N. Konnotativnyj aspekt semantiki jazykovyh suvnostej i ejo rol' v formirovanii smysla predlozhenija / Vsesojuz. nauch. konfer. «Kommunikativnye edinicy jazyka» : tezisy dokladov. M., 1984. S. 120.
14. Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M. : Jazyki russoj kul'tury, 1996. 285 s.
15. Turanskij I. I. Semanticheskaja kategorija intensivnosti v anglijskom jazyke: monografija. M. : Vysshaja Shkola, 1990. 173 s.
16. Shagdarov L. D. Funkcional'no-stilisticheskaja differenciacija burjatskogo literaturnogo jazyka. Ulan-Udje : BF BION SO AN SSSR, Burjatskoe kn. izd-vo, otv. red. V. I. Rassadin, 1974. 346 s.
17. Shahovskij V. I. Jekspressivnost' i ocenka – komponenty detonacii // Obraznye i jekspressivnye sredstva jazyka. Rostov n/D : RGPU, 1986.

Istochniki primerov

18. Batozhabaj D. B. Zyzhjegyyd. Ulaan-Ydje : Burjaadaj nomoj hjebljel, 1981. 223 s.
19. Zhimbiev C-Zh. Gal mogoj zhjel. Ulaan-Ydje : Burjaadaj nomoj hjebljel, 1972. 272 s.
20. Halzanov B. Hjejerjyn shuluun. Ulaan-Ydje : Burjaadaj nomoj hjebljel, 1991. 75 s.
21. Cydendambaev Ch. Holo ojryn tyrjelnyyd. Ulaan-Ydje : Burjaad. nom. hjebljel, 1989. 288 n.
22. Jabzhanov B. Jertyn shyddjer. Ulaan-Ydje : Burjaadaj nomoj hjebljel, 1986. 336 n.

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2012 г.